Дисклеймер номер раз: несмотря на филологическое образование и врожденную грамотность, весь синтаксис в моих текстах, включая знаки препинания – авторский, в стиле «поток сознания или здравствуйте Вирджиния Вульф». Тексты я пишу, именно что визуально рассчитывая на свой синтаксис, поэтому редакторские претензии на тему «тут не оформлена прямая речь, позор и ганьба» не принимаются.
Дисклеймер номер два: все тексты писались для моего блога в Фейсбуке, где их, как и другие, не вошедшие в эту подборку, можно найти под уникальным тэгом #ДунькавУтконосии. Отсюда и специфическая стилистика, менять которую я категорически отказываюсь.
Приятного чтения!

Катаклизьма феминизьма

Вот так уедешь в Австралию – рано или поздно напишешь историю про coming out*, здесь это дело популярное. В этом случае, правда, у нас случился coming out наоборот. На голубом, так сказать, глазу.
Melbourne Cup – the race that stops the nation, австралийский вариант скачек в Аскоте, на время которых, согласно девизу мероприятия, жизнь в стране останавливается. Ну, не знаю как насчет страны, а в университете у нас точно никто не работал: шляпки, фасинаторы (ау, коллеги-переводчики, придумали у нас уже слово приличное для этой фигни из перьев?), каблуки (в кои-то веки), ставки, ажиотаж и плохое австралийское шампанское. Все лучше, однако, чем упираться носом в монитор.
Я, как назло, шляпку (нежно люблю шляпки, и они меня тоже) дома забыла, не выгуляла; зато выгуляла чужую – соседней профессорше пришлось срочно куда-то бежать по делам и наши с ней шляпные интересы временно совпали: тащить этот аэродром с собой на встречу ей не упало, ну а мне – в самый раз.
И вот иду я вся такая в аэродроме и бретельках смотреть скачки, а рядом идет коллега. Коллега – ну как бы это вам описать – мечта читательницы женского романа: итальянец-полукровка в самом расцвете лет, красивый чрезмерно-киношной красотой, с глазами цвета небес Адриатики и безупречным вкусом в одежках. Не женат. Все это, вкупе с полным отсутствием интереса к департаментскому женскому полу, дало повод

для устойчивых слухов, что он, так сказать, "интересуется" по другой линии.
Как жаль, что из моды вышли шляпки и платья в обтяжку, печально мурлычет коллега. Ты выглядишь, как в кино пятидесятых (ну неправда, куда мне до тогдашних див, формы подкачали, но шляпка явно из тех времен, да) – вот это были женщины, вот это была женственность... теперь редко такое увидишь...
И, вдруг, словно очнувшись: ты прости, что я такое говорю, я не сексист, нет, я за равноправие, ты не подумай. И ужас такой в глазах плещется, что а ну как я его сейчас выдам совету по этике на расправу и поругание. Господи боже. Успокойся, говорю, я русская женщина, а мы, русские женщины, очень хорошо знаем разницу между равноправием и уравниловкой. Процитировала ему Евтушёнку про унижение женщины до равенства с мужчиной. Объяснила, что меня абсолютно не напрягает открывание передо мной дверей и ношение вместо меня тяжелых чемоданов, равно как все это не мешает мне делать карьеру. Что женственность – это то еще оружие пролетариата, не хуже булыжника, надо только уметь им пользоваться. Ну и прочий краткий ликбез для ушибленных политкорректностью.
Во взгляде коллеги просверкнул не вполне свойственный австралийской интеллигенции злобный огонек.
Слушай, а можно я тогда еще скажу? Вот эти бабы, которые не умеют им пользоваться, они больше всех и ратуют за "равенство"! Знаешь, я ведь тоже... тоже двери открывал и цветы дарил, мне хочется это делать, но страшно ведь... не знаешь, где нарвешься... пару раз нарвался, теперь уже на воду дую. Куда подевались женщины, fucking shit?
Адриатические глаза при этом исправно и весьма неполиткорректно косили в декольте.
Мдя, думаю, факультетские дамы, мать вашу растак – не гей он у нас, ох не гей. Это в консерватории надо...гмм... рояли настроить.
Иначе они вам так и будут играть "Over the rainbow" вместо марша Мендельсона.
**coming out – публичное признание в нетрадиционной ориентации*

Про фёрби, рыженькую и Фридриха де ла Мотт Фуке
Началось все с того, что слева от меня, на скамейке станции Кройдон, куда я, как обычно, приплюхнулась в ожидании поезда, чтобы в тиши и одиночестве занырнуть в книжку, раздался нечеловеческий вопль.
Pet me more! I love you!

И еще более нечеловеческий хохот децибел этак в сто.
Даже ностальгически перечитываемый ведьмак Геральт в ебуке сделал финт и принял боевую стойку. Что уж говорить обо мне: я подпрыгнула и воззрилась в сторону звука, фирменным патентованным взглядом «а нельзя ли потише, вашу мать налево, ятутчитаюваще».
И тут же взгляд притушила, потому что слева сидела девочка.
Рыженькая. Ну как это обычно: локти, коленки, косички, школьный рюкзак, юбка в горошек, нелепая, слишком широкая панамка от солнца, лет 10-12. Словив взгляд и поворот, девчушка сгорбилась, как будто в ожидании удара; локти-коленки ощетинились и совершенно по-матерински укрыли от меня источник звука.
Я устыдилась и послала рыжушке утреннюю, еще не смазанную муторным офисным днем улыбку. Острые углы расслабились, на меня искоса глянул всё ещё недоверчивый зелёный глаз, контакт был установлен.
На коленях у рыженькой угнездилось нечто фиолетовое с желтыми ушами. Уши колотились в разные стороны, мех топорщился, спрятанный внутри динамик издавал истошные крики.
Надо же, какой, говорю; активный. Кто это у тебя?
Это фёрби. Ты что, никогда не видела фёрби?
Нет, говорю, представляешь, какая я отсталая – слышать-слышала, а не видела ни разу. А что с ним нужно делать?
Его надо любить, серьёзно ответила рыженькая. Всю жизнь.
А, вот оно как. Ишь ты как замахнулась, девочка моя. Любить всю жизнь. Хотя чёрт его знает, с фёрби может и получиться. Не пристает, когда не надо, не нудит, в душу не лезет, знай чеши его да ублажай. Да и вырубить при желании не вопрос, не то что...
Но этими тухлыми взрослыми мыслями я с соседкой делиться не стала, а сразу провела тест на прочность контакта. Дай, говорю, подержать любимца твоего. Дашь? я не обижу...
Покосилась, протянула руку, дала. Фиолетовый монстрик на щекотку и почесывание за ухом реагировал вполне адекватно: верещал, повизгивал от удовольствия и дергал ушами. Прикольно, чо.
Тут проснулся станционный динамик и с привычным убойным индийским акцентом объявил, что поезд, которого мы ждём, ушел в нирвану, а о прибытии следующего будет объявлено дополнительно.
Ага, то есть нам с фёрби и его хозяйкой тут еще минут двадцать груши околачивать. Ну да не впервой, Sydney Rail, take your time, и пусть весь мир подождёт. Продолжим.

У меня их четыре штуки, фёрбиков – девочка все еще косилась, но уже явно не боялась. Я присмотрелась: странная вообще девчушка, и вот эти косые взгляды, и как горбится, и углы вот эти. ДЦП? совсем легкий? может быть...
А зачем тебе их столько, спрашиваю. Всех всю жизнь любить? (не удержалась, все таки сыронизировала, язык без костей).
Да, любить. Мне ведь надо кого-то любить, правда? особенно, когда одиноко.
Ой-ёё, здравствуй, рыжая сестра по детству. В моём детстве, правда, фёрби не было. Оно и к лучшему. Уж если любить, то лучше этих, со шпагами и в шляпах. Эти хотя бы не орут, а если и орут, то про куклапа и когда твой друг в крови. Все веселее.
И чётко в параллель моим мыслям, вопрос:
А ты что делаешь, когда одиноко?
Я – книжки читаю. Фёрби, оно, конечно, хорошо, но круче книжек от этого дела ничего нет.
Врёшь, убеждённо заявила рыженькая, почёсывая монстрика. Книжки – это скучно. Мы эту мутотень в школе проходим, помереть с тоски. Игры еще куда ни шло, но это так, время убить. А мне - мне любить надо.
Приехали, милая моя. Вот смотрю я на тебя, на эти твои локти-коленки-косички – ты же нашей дурной породы, книгочейка, мечтательница, я ж тебя насквозь вижу, и глаза правильные, с чудинкой, и инакость, и непохожесть, всё как доктор прописал. Только о чем же тебе мечтать, дорогая моя утконосочка, если у тебя дома, как тут принято, книжек дай бог штук пять, четыре кулинарные и одна сберегательная...
Нет, говорю. В школе оно и вправду мутотень – настоящих, интересных книжек вам не дают, не положено. Это самой надо найти, это не для всех.
Ага, а глазки-то загорелись, не для всех – это значит, для нас. Я ж говорю, наш человек.
Ну хорошо, говорит. Вот эта, твоя книжка, она про что?
Экхэм. На раскрытой на тот момент странице прыткий ведьмак аккурат ко времени завалил фигуристую чародейку Йеннифер на очередном сеновале. Ну дык про это-то им как раз в школе очень даже рассказывают, подумала я, да и весь цикл в два слова не уложишь. А девочка-то вот она, здесь, ждёт ответа, и чует моя чуйка, что от этого ответа многое зависит.
И тут меня как стукнуло. Год 1984-ый, нас трое десятилеток без родителей, едем поездом в пионерский лагерь в Абхазию, а с нами – чтобы вручить ценный груз встречающим в целости и сохранности –

студентка-сопровождающая, дай ей бог счастья и кулек конфет впридачу. Потому что девица эта полночи нас развлекала шедеврами мировой литературы в собственном пересказе – и ночь эта мне запомнилась навсегда, на всю жизнь – стук колёс, сумрак купе, взволнованное дыхание соседок – и – Гамлет. И – король Лир. И – Ундина, чтобы уж добить окончательно. Как я потом узнала уже на втором курсе универа, в романтической версии Фридриха де ла Мотт Фуке.

Поезд. Встреча. Сказка. Новый, получается, виток спирали.

Книжка моя – говорю – про рыцаря. Рыцарь этот отправился в дремучий лес, заблудился и попал в маленькую рыбацкую избушку, где жили старик со старухой и их приёмная дочь, Ундина. Хижина их стояла на берегу озера, а в озере когда-то давным-давно утонула их маленькая дочка. А через несколько дней после несчастья, тёмной ночью, когда рыбак с женой сидели и горевали о погибшем ребенке, когда лил проливной дождь, выл холодный ветер и духи леса бесновались в лесной чаще, к ним в дверь постучалась маленькая девочка с золотыми, вот как у тебя, волосами... и выросла девочка в замечательную красавицу, и влюбился в нее рыцарь без памяти...

Подошел поезд – мы в него кое-как запрыгнули (да, подволакивает ножку, совсем чуть-чуть, все-таки ДЦП), умостились друг напротив друга, я продолжала вытягивать из памяти давно забытый сюжет – лесная свадьба, священник, как у Ундины появилась душа, возвращение в мир людей, прежняя возлюбленная рыцаря, заваленный камнем колодец...

Под рукой у рыженькой пронзительно взвизгнул мохнатый зверёныш. Мне надо было выходить.

Э-эй... локти и коленки прямо таки рванулись за мной, на выход... Ну а дальше-то? подожди, я хочу знать, чем оно...

Undine, говорю. Ю-эн-ди-ай-эн-и. Забей в гугл. Прочитай сама. Там все есть. И таких книжек там много, очень много, на всю жизнь хватит. Надо читать, солнышко, слушай меня, обязательно надо читать.

Там точно есть кого любить.